
РАЗДЕЛ III. КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ И ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ МОСКОВСКОГО КРАЯ

К. А. Аверьянов¹

ИЗ ПРЕДЫСТОРИИ МОСКОВСКОЙ ГЕРАЛЬДИКИ. КТО ИЗОБРАЖЕН НА ГЕРБЕ ВЛАДИМИРА?

Аннотация: В статье анализируется проблема генезиса геральдической символики московского региона.

Ключевые слова: Владимир, Москва, герб, геральдика.

В литературе по геральдике высказывалось мнение, что гербы русских городов возникли чрезвычайно поздно. При этом обычно ссылаются на то, что массовое создание городских гербов в России относится лишь к эпохе Екатерины II. Так, к примеру, герб Москвы с изображением Георгия Победоносца был официально утвержден лишь 20 декабря 1781 г. [23].

Но данное утверждение не согласуется с источниками. В частности, в докладе Сената «Об утверждении гербов городам Московской губернии» отмечалось, что Москва имеет герб «старый». Данная помета была неслучайной. Сотрудники Герольдмейстерской конторы, приступив к массовому созданию городских гербов, тщательно проверяли наличие прежней символики, будь то территориальная эмблема из «Титулярника» 1672 г. или рисунок для полкового знамени со знаком города. В случае наличия подобных символов город получал «старый» герб. Таковых городов к концу XVIII в. насчитывалось около сотни. Значит ли это, что гербы в России существовали издавна? Ведь для московского герба использовалась эмблема, известная в течение нескольких столетий (со

© Аверьянов К. А., 2019.

¹ Константин Александрович Аверьянов – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук (ИРИ РАН).

времени Ивана III) как составная часть печати и герба Российского государства.

В литературе на этот вопрос отвечают по-разному. Сторонники первого взгляда рассматривают его чисто с юридической точки зрения: гербом называются символы, утвержденные официальной властью [1, с. 100–101; 8, с. 2; 19; 11]. В данном случае можно говорить о возникновении гербов лишь с последней четверти XVIII в., когда при Екатерине II были утверждены городские гербы, а при Павле I в 1797 г. увидел свет первый том «Общего гербовника дворянских родов Российской империи», в котором собирались дворянские гербы.

По нашему мнению, этот взгляд является чисто формальным. Исследователями, в первую очередь археологами, еще в 1940-х – 1950-х гг. было замечено, что русское герботворчество не начинается в последней четверти XVIII в., что называется «с чистого листа», а имеет достаточно длинную историю. При этом русские гербы прошли несколько этапов развития, начиная с княжеских знаков собственности в Древней Руси, затем печатей, и, наконец, трансформировавшись в гербы [27; 2; 36; 35; 26; 6; 20; 16]. В данном случае это позволяет удревнить предысторию московского герба, соотнеся ее с печатями Александра Невского и его праправнука Дмитрия Донского, где появляется конный воин [38; 33; 29; 28; 31].

Каким же образом возникали подобные эмблемы, позднее превратившиеся в городские гербы? Этот вопрос целесообразно рассмотреть на примере герба города Владимира, чья история восходит к эмблеме владими́ро-суздальских князей XII–XIII вв., того времени, когда Москва являлась небольшим пограничным городком Владимиро-Суздальского княжества.

Герб Владимира, как и Москвы, официально был утвержден в 1781 г. В указе Екатерины II о городских гербах Владимирского наместничества от 16 августа 1781 г. о нем сказано следующее: «Город Володимир имеет старый герб: в красном поле стоящий на задних лапах лев, имеющий на голове железную корону, держит в передней правой лапе длинный серебряный крест» [22]. В указе императрицы владимирский герб, как и в случае с Москвой, назван старым. Это ведет нас к такому источнику, как «Большая государева книга или Корень российских государей», более известная как «Царский титулярник» 1672 г., представляющий собой справочник, содержащий перечни титулов русских и иностранных монархов и использовавшийся в качестве пособий в дипломатической переписке. Книга была составлена в Посольском приказе в нескольких роскошно изданных экземплярах, один из которых был преподнесен главой приказа боярином Артамоном Матвеевым 23 мая

1672 г. царю Алексею Михайловичу. «Титулярник» 1672 г. помимо текста содержит 30 портретов русских великих князей и царей (от Рюрика до Алексея Михайловича), 11 вселенских и московских патриархов, 22 портрета иностранных государей, современников Алексея Михайловича, а также гербы 33 русских земель, имена которых были включены в большой царский титул, и 16 гербов иностранных государств.

«Титулярник» 1672 г. стал первым по времени создания гербовником России, содержащим наиболее ранние изображения гербов (точнее эмблем) русских земель. В нем на владимирском гербе находим изображение льва, послужившее основой для соответствующего указа Екатерины II¹. Как подобные эмблемы выглядели в предыдущие эпохи можно судить лишь по отдельным печатям, монетам, а в самый древний период – по белокаменным рельефам уцелевших храмов, которые все буквально наперечет.

Идя вглубь прошлого, нетрудно заметить, что владимирский герб с течением времени менялся. Если на гербе 1781 г. лев, согласно правилам геральдики, обращен влево от зрителя, то в «Титулярнике» 1672 г. он смотрит вправо. Просмотр более ранних материалов приносит новые сомнения – а лев ли изображен на них?

В 1914 г. этот вопрос поднял академик А.И. Соболевский в статье об одном церковном памятнике – медных «Лихачевских» воротах из суздальского Рождественского собора, представляющих небольшие по размеру «царские» ворота, отделявшие алтарь от остальной церкви. Свое название они получили, оказавшись в коллекции Н.П. Лихачева, а ныне хранятся в Государственном Русском музее в Санкт-Петербурге. На них наводкой золотом по меди изображены сцены Благовещения и четырех евангелистов, очень близкие по технике к книжной миниатюре. Это сходство усиливается тем, что медные пластины обрамлены орнаментом с растительным плетением «в состав которого входит зверь (вроде леопарда) с высоко поднятым хвостом». При этом он сделал вывод: «Позволительно предполагать, что изображение этого зверя, часто напоминающего зверя так называемых сасанидских предметов, было родовым знаком суздальско-ростовских князей, начиная с Андрея Боголюбского» [34, с. 60–61].

Вскоре исследователи обратили внимание на другие аналогичные изображения. Одно из них было обнаружено в городе Юрьеве-Польском,

¹ Российский государственный архив древних актов. Ф. 135. Отд. 5. Рубр. 3. Ед.хр. 7. Л. 56. Еще два экземпляра «Титулярника» 1672 г. хранятся в Санкт-Петербурге: в Государственном Эрмитаже и Российской национальной библиотеке.

который, как считается, был заложен в 1152 г. Юрием Долгоруким «в свое имя», поскольку одновременно была возведена каменная церковь в честь святого Георгия – небесного покровителя князя. Внук Юрия, князь Святослав Всеволодович в 1230–1234 гг. разобрал обветшавшую к тому времени церковь и выстроил новую, украшенную снаружи каменными рельефами. Над порталом северного притвора, под килевидной тягой, находится рельефное изображение стоящего en face святого Георгия, давшего имя храму. На овальном с заострением щите святого Георгия, стоящем на земле и поддерживаемом левой рукой святого, изображен бегущий зверь, напоминающий изображение на «Лихачевских» вратах из Суздаля.

Еще одно подобное изображение было найдено на пергаменном Федоровском Евангелии, время создания которого определяется XIII в. – первой четвертью XIV в. В Ярославский государственный музей оно поступило из Ярославского Архиерейского дома, куда в свою очередь попало, видимо, из Ростова при переводе кафедры в Ярославль в XVIII в. Роскошь выполнения рукописи чисто княжеская, что позволяет видеть в ее заказчике одного из потомков Рюрика.

Евангелие имеет пять миниатюр, из которых четыре изображают евангелистов, а в самом начале помещено изображение стоящего в рост святого Федора Стратилата, такое же как на барельефе собора Юрьева-Польского, левой рукой поддерживающего овальный щит, на котором изображен бегущий зверь аналогичного с предыдущим вида. Поскольку из жития святого Федора Стратилата появление на его щите бегущего зверя объяснить невозможно, А.И. Некрасов, обративший внимание на эту иллюстрацию, предположил, что в данном случае мы имеем дело с изображением герба владими́ро-суздальских князей. В 1294–1299 гг. в Ярославле княжил Федор Черный, которого сменил его сын Давид (скончался в 1321 г.). Видимо, последний и заказал в память своего отца Евангелие с изображением его небесного патрона, держащим щит с родовым гербом.

По мнению А.И. Некрасова, признавшего вслед за А.И. Соболевским данные изображения родовой эмблемой владими́ро-суздальских князей, помещенного на них бегущего зверя следовало признать леопардом или барсом, но никак не львом [21].

В 1940-е гг. к этому вопросу обратился А.В. Арциховский. Он упрекнул предшественников в том, что они напрасно употребляли слова «леопард» и «барс» в значении конкретного животного. Полагая, что на владимирском гербе изображен лев, историк считал, что термин «леопард» применительно к нему появился в результате механического перевода французских геральдических терминов. Поскольку льва можно

изобразить в различных позах, во французской геральдике для позы «шествующий лев» (именно его мы видим на владимирском гербе) употреблялся термин «леопард» [2, с. 53–55]¹.

В отличие от предшественников Н.П. Лихачев высказал сомнение в том, что на Руси в XII–XIII вв. могли существовать родовые знаки «в виде изображения льва или леопарда», указав, что даже на Западе родовые гербы возникают сравнительно поздно [18, с. 269].

Ему возражал Г.К. Вагнер, доказывавший существование владими́ро-суздальского герба еще в домонгольскую эпоху. При этом эмблема князей Северо-Восточной Руси эволюционировала. Сначала возник комплекс образов, «носящих черты избранности (лев, орел, грифон, барс, кентавр и т.д.)». Затем из этого комплекса выделился барс, который был «конкретизирован образом льва, так как изображения льва и барса в древней геральдике различались только по положению фигур» [4]. Последующие авторы мало что добавили, склоняясь то ко льву [35, с. 6, 24; 32, с. 15], то к барсу [7, с. 296].

При этом дискуссия возникла и по поводу времени возникновения владимирского герба. Так, Н.Н. Воронин, проследив наличие рельефных изображений барсов на Дмитриевском и Успенском соборах во Владимире и других храмах Владимирской земли, и усматривая в них «символы Владимирской державы и ее воинской силы», признавал существование подобных эмблем уже в эпоху средневековья. В отличие от него Г.И. Королев склонялся к очень позднему происхождению владимирского герба, полагая, что образцом для него в «Титулярнике» 1672 г. послужил герб Нидерландов в виде коронованного льва с мечом и пучком стрел. На Руси их заменили длинным крестом [15].

Подобные разногласия объясняются тем, что в распоряжении исследователей нет промежуточных материалов, с помощью которых можно было бы проследить эволюцию подобных эмблем от украшений

¹ При этом А.В. Арциховский опирался на мнение известного знатока геральдики А.Б. Лакиера, который писал: «Обыкновенная геральдическая поза льва есть в профиль, так что видны одно его ухо, один глаз. Он представляется стоящим на задних лапах, а передними, бросающимися вправо; окровавленный язык выходит из пасти, хвост же его поднят кверху и концом упадет на спину». Другая же поза этого зверя называется леопардом: он «отличается от льва тем, что видна вся его голова с двумя глазами, что он представляется идущим, т.е. стоит на трех ногах, а четвертую заносит вперед, и что хвост его падает не на спину, а напротив, поднят кверху и откинут». Приводит он и другие промежуточные варианты: «...лев, имеющий одну из исчисленных примет, леопарду принадлежащих, называется леопардоподобным львом... и, наоборот, леопард, заимствовавший какие-нибудь приметы от льва, именуется львуподобным леопардом...» [17, с. 39]

храмов домонгольской эпохи к владимирскому гербу «Титулярника» 1672 г. Делались попытки отыскать знак владимирских великих князей на средневековых монетах и печатях, но они оказались не слишком убедительными [37, с. 168–169; 3, с. 16, 28].

Нужно сказать, что сомнения историков – кто изображен на владимирском гербе? – зародились не на пустом месте. Первыми забеспокоились по этому поводу еще в середине XIX в. специалисты по геральдике. Одним из них был барон Б.В. Кёне. Желая как-то упорядочить герботворчество в стране, в 1857 г. он составил правила украшений гербов губерний, областей, градоначальств, городов и посадов, которые были утверждены императором Александром II в том же году, а сам Кёне стал начальником Гербового отделения Департамента герольдии. В январе 1859 г. им был разработан проект нового герба Владимира: «В червленом поле золотой леопард в железной, украшенной золотом и цветными камнями, короне, держащий в правой лапе длинный серебряный крест». Но правительству к тому времени было не до гербов – близилась крестьянская реформа 1861 г. и официального утверждения герба так и не последовало.

Разногласия по поводу того – кто же изображен на владимирском гербе – продолжаются до сих пор. Уже в наше время – в 1992 г. решением Малого совета горсовета был утвержден следующий герб Владимира: «В красном поле стоящий на задних лапах лев, имеющий на голове железную корону, держит в передней лапе длинный серебряный крест». В то же время владимирский областной закон 1999 г. гласит: «Герб Владимирской области представляет собой изображение золотого львиного леопарда в железной, украшенной золотом и цветными камнями короне, держащего в правой лапе длинный серебряный крест в червленом поле. Щит увенчан короной и окружен золотыми дубовыми листьями, соединенными Андреевской лентой»¹.

¹ Подобные разногласия двух владимирских законов (городского и областного) объясняются весьма просто. Городские депутаты просто повторили указ Екатерины II от 10 августа 1781 г., где основной фигурой герба назван лев, а областные – указ Александра II от 8 декабря 1856 г., упоминающего львиного леопарда. При этом разногласия во владимирской геральдике не самые существенные. Еще более показательный пример неточности имеем в случае с гербом Иркутска. На нем издавна изображался амурский тигр, который в Южной Сибири именовался «бабром». При официальном утверждении иркутского герба художники Герольдии сочли, что имеют дело с опечаткой в его описании, и нарисовали на гербе более известного им бобра [14]. Это недоразумение нашло отражение даже в известном словаре Даля – в статьях «бобр» и «тигр» [9, с. 35; 10, с. 405].

Определенный прорыв в решении вопроса о владимирском гербе намечился в 2006 г. с появлением статьи А.Н. Вершинского. Он обратил внимание на то, что большинство специалистов, говоря о средневековой эмблеме владимирских князей, указывали, что на ней изображен барс. Между тем, барс издавна является гербом Осетии. Каким же образом осетинский барс попал в Северо-Восточную Русь? Исследователь высказал догадку, что это могло произойти только в результате брака Всеволода Большое Гнездо с Марией Шварновной, имевшей яское происхождение [5]. В определенной мере это подтверждалось отмеченным еще А.И. Соболевским сходством изображений «бегущего зверя» Владимиро-Суздальского княжества с предметами эпохи Сасанидов, оказавшей значительное влияние на формирование аланской культуры.

Правда, подобному предположению вроде бы противоречил отмеченный в литературе факт, что данная эмблема встречается на памятниках, возведенных еще при отце Всеволода Большое Гнездо – Юрии Долгоруком и его старшем брате – Андрее Боголюбском, а следовательно не может быть связана с позднейшим по времени браком Всеволода на Марии.

Но посмотрим, к какому времени относятся указанные памятники. Георгиевский собор в Юрьеве-Польском, где имеется наиболее четкое изображение владимиро-суздальской эмблемы, был действительно построен Юрием Долгоруким, но в 1230 г. он был разрушен его внуком и сыном Марии – удельным юрьев-польским князем Святославом Всеволодовичем: «Святослав князь в Юргеве руши церковь святого Юрия каменую, тако же бе обветшала и поломалася, юже бе создал дед его Юрги Володимеричь и святил великим священъем». Спустя четыре года строительство было завершено: «Благоверный князь Святослав Всеволодичь сверши церковь в Юрьеве святого мученика Георгия и украси ю» [24, стб. 455, 460]. Тверская летопись добавляет любопытную подробность: Святослав Всеволодович «самъ бе мастеръ», то есть выступал в качестве архитектора и руководил строительством, в ходе которого создал церковь «чудну, резанымъ каменемъ» [25, стб. 355]. Вполне понятно желание зодчего, в качестве которого выступал сам князь, увековечить на храме свою родовую эмблему, доставшуюся ему от матери [12].

Суздальский Рождественский собор, из которого происходят царские «Лихачевские» врата, первоначально был возведен из плинфы в начале XII в. при Владимире Мономахе. Но уже в 1222 г. сыном Марии – Юрием Всеволодовичем на этом месте было начато строительство нового храма, о чем сообщает Лаврентьевская летопись: «Великий князь Гюрги

заложил церковь каменную святых Богородица в Суждали, на первом месте, заздравив старое здание, понеже учала бы рушиться старостью и верх ее впал бы; та бо церковь создана прадедом его Володимиром Мономахом и блаженным епископом Ефремом». Спустя три года собор был освящен [24, стб. 445, 447]. Здание храма простояло до XV в., когда было реконструировано [13]. Видимо, именно к этому периоду существования собора и относятся царские врата.

Что касается Успенского собора во Владимире, то он, действительно, был построен в середине XII в. при Андрее Боголюбском. Однако храм сильно пострадал во время пожара во Владимире в 1193 г., и годом позже был восстановлен Всеволодом Большое Гнездо. По этому поводу Лаврентьевская летопись сообщает: «Того же лета месяца августа обновлена бысть церковь святых Богородицы Володимери яже бы ополела в великий пожар блаженным епископом Иваном и при благовернем и христовивем князи Всеволоде Юргевичи и бысть опять аки нова и бысть радость велика в граде Володимери» [24, стб. 411]. При этом Всеволод значительно расширил собор. К прежнему храму были пристроены боковые галереи, и он оказался как бы внутри нового большого собора. Понятно, что внешние украшения храма, среди которых встречается и изображение барса, принадлежат уже к эпохе Всеволода Большое Гнездо, как и Дмитриевский собор во Владимире.

Все это дает основания полагать, что барс стал эмблемой владими́ро-суздальских князей в последней четверти XII в., будучи заимствован ими из Алании благодаря браку Марии и Всеволода Большое Гнездо.

Пример с Марией не является чем-то уникальным в отечественной истории. Спустя три столетия имеем более показательный случай, связанный с именем племянницей последнего византийского императора Софьей Палеолог. Как известно, двуглавый орел, ставший государственным гербом России, впервые появился в 1497 г. на печати московского великого князя Ивана III, скрепившей его жалованную грамоту волоцкому князю Федору Борисовичу и его брату ружскому князю Ивану Борисовичу. Начиная с XVIII в. историки полагали, что этот герб был заимствован великим князем из Византии после того, как он в 1472 г. вступил в брак с Софьей.

Правда, в начале XX в. академик Н.П. Лихачев подверг сомнению эту гипотезу. Главным доводом стало то, что прошла целая четверть века со времени брака Ивана III до помещения орла на русскую печать. Позднее целый ряд ученых подтвердил правоту исследователя, найдя доказательства, что знаком власти в Византии двуглавый орел никогда не являлся. Скорее всего, великий князь, стремясь возвысить свой авторитет,

использовал эту эмблему в подражание гербу императора Священной Римской империи, где двуглавый орел олицетворял верховную власть (в современной Австрии на государственном гербе до сих пор изображен двуглавый орел) [30]. Тем не менее, каково бы ни было происхождение российского герба, нельзя отрицать того, что значительную роль в признании этой эмблемы сыграла Софья Палеолог.

Уже эти два случая показывают, что появление той или иной фигуры на эмблеме, ставшей впоследствии основой для герба, было во многом связано с брачными союзами русских князей. Это задает направление для дальнейших поисков – не связано ли появление всадника на московском гербе с браками владими́ро-суздальских князей?

Литература

1. *Арсеньев, Ю. В.* Геральдика. М., 1908. 298 с.
2. *Арциховский, А. В.* Древнерусские областные гербы // Ученые записки Московского государственного университета. Вып. 93. История. Кн. 1. М., 1946. С. 43–67.
3. *Белецкий, С. В.* Сфрагистика Средневекового Пскова. Вып. 2. Вечевые печати Пскова СПб., 1994. 116 с.
4. *Вагнер, Г. К.* К вопросу о владими́ро-суздальской эмблеме // Историко-археологический сборник. А.В. Арциховскому к 60-летию со дня рождения и 35-летию научной, педагогической и общественной деятельности. [М., 1962]. С. 254–264.
5. *Вершинский, А.* «Лютый зверь» на страже государства // Техника-молодежи. 2006. № 3. С. 52–57.
6. *Вилинбахов, Г. В.* Всадник русского герба // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 21. Л., 1981. С. 117–121.
7. *Воронин, Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV вв. Т. 1. М., 1961. 583 с.
8. Гербы городов, губерний, областей и посадов, внесенные в полное собрание законов с 1649 по 1900 гг. СПб., 1900. 306 с.
9. *Даль, В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М., 1955. 669 с.
10. *Даль, В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. М., 1955. 684 с.
11. *Дунин-Борковский, К. И.* Герб // Энциклопедия государства и права. Т. 1. М., 1925. С. 413.
12. *Заграевский, С. В.* Вопросы архитектурной истории и реконструкции Георгиевского собора в Юрьеве-Польском. М., 2008. 56 с.
13. *Заграевский, С. В.* Вопросы реконструкции первоначального вида Суздальского собора Рождества Богородицы начала XIII в. // На пороге

-
- тысячелетия. Суздаль в истории и культуре России. Владимир, 2015. С. 75–84.
14. *Королев, Г. И.* Бабр и бобр (к истории иркутского герба) // *Гербовед.* 2005. № 7(85). С. 97–106.
 15. *Королев, Г. И.* К вопросу о происхождении владимирского герба // *Гербовед.* 2007. № 3(95). С. 60–67.
 16. *Лавренов, В. И.* Тверская геральдика конца XIV–XV вв. // *Гербовед.* 1996. № 9. С. 26–33.
 17. *Лакиер, А. Б.* Русская геральдика. М., 1990. 397 с.
 18. *Лихачев, Н. П.* Материалы для истории русской и византийской сфрагистики. Вып. 2. Л., 1929. 279 с.
 19. *Лукомский, В. К.* Геральдика // *Большая советская энциклопедия.* Т. 15. М., 1929. С. 423.
 20. *Молчанов, А. А., Колызин, А. М.* Печать Дмитрия Донского из Новгорода // *Нумизматический сборник.* Вып. 4. М., 1996. С. 42–44.
 21. *Некрасов, А.* О гербе суздальских князей // *Сборник статей в честь академика Алексея Ивановича Соболевского, изданный ко дню 70-летия со дня его рождения Академией наук по почину его учеников под редакцией академика В.Н. Перетца.* Л., 1928. С. 406–409.
 22. Об утверждении гербов городам Владимирского наместничества. Высочайше утвержденный доклад Сената // *Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое.* Т. 21. СПб., 1830. С. 217–218.
 23. Об утверждении гербов городам Московской губернии. Высочайше утвержденный доклад Сената // *Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое.* Т. 21. СПб., 1830. С. 361–362.
 24. *Полное собрание русских летописей.* Т. I. М., 1997. 496 с.
 25. *Полное собрание русских летописей.* Т. XV. М., 2000. 432 с.
 26. *Ражнев, Г. В.* Герб Смоленска. Смоленск, 1993. 239 с.
 27. *Рыбаков, Б. А.* Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X – XII вв. // *Советская археология.* Кн. VI. М., 1940. С. 227–257.
 28. *Соболева, Н. А.* Герб Москвы. Исторический очерк. М., 2000. 47 с.
 29. *Соболева, Н. А.* Герб Москвы: к вопросу о происхождении // *Отечественная история.* 1997. № 3. С. 3–22.
 30. *Соболева, Н. А.* Государственный герб // *Большая российская энциклопедия.* Т. 7. М., 2007. С. 531.
 31. *Соболева, Н. А.* История герба Москвы. М., 2002. 44 с.
 32. *Соболева, Н. А.* Российская городская и областная геральдика XVIII–XIX вв. М., 1981. 263 с.
 33. *Соболева, Н. А.* Русские печати. М., 1991. 239 с.
 34. *Соболевский, А.* Медные врата // *Русская икона. Сборник 1.* СПб., 1914. С. 58–61.

-
35. *Сперансов, Н. Н.* Земельные гербы России XII–XIX вв. М., 1974. 197 с.
36. *Ураносов, А. А.* Русские областные и городские печати и гербы : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. М., 1953. 16 с.
37. *Федоров, Г. Б.* Деньги Московского княжества времен Дмитрия Донского и Василия I (1359–1425) // Материалы и исследования по археологии СССР. № 12. М., 1949. С. 148–185.
38. *Янин, В. Л.* Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. II. М., 1970. 366 с.